Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 52.
Eurasian advocacy. 2022;(1(56)):52.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2022_56_1_52

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОШИБКА И ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ

ФЕДОРЧУКОВА Юлиана Яковлевна
Соискатель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заместитель начальника управления правовой, кадровой и антикоррупционной работы – заведующий отделом правовой работы Службы по экологическому и технологическому надзору Республики Крым
295026, г. Симферополь, ул. Набережная, д. 71, Российская Федерация

Аннотация: Статья рассматривает юридическую ошибку в контексте принципа законности в рамках его интерпретации Конституционным Судом Российской Федерации. Раскрыты особенности и специфика бланкетных уголовных правовых норм и их влияние на возникновение существенной юридической ошибки. Сделан вывод об отсутствии уголовно-правового механизма, позволяющего суду при рассмотрении дела надлежащим образом исследовать объективную возможность понимания лицом правовой нормы.

Ключевые слова: юридическая ошибка, принцип законности, презумпция, вина, правовое регулирование
Для цитирования: Федорчукова Ю.Я. Юридическая ошибка и принцип законности // Евразийская адвокатура. 2022. № 1 (56). С. 52. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2022_56_1_52

Actual problems of advocacy practice

Original article

JURIDICAL MISTAKE AND THE PRINCIPLE OF LEGALITY

FEDORCHUKOVA Juliana Yakovlevna
Competitor of the department of the criminal law and criminology of the Law Faculty of the Moscow State University
Deputy Head of the Department of Legal, Personnel and Anti–Corruption Work - Head of the Department of Legal Work of the Service for Environmental and Technological Supervision of the Republic of Crimea
295026, Simferopol, Naberezhnaya ul. 71, Russian Federation

Abstract: The article considers a juridical mistake in the context of the principle of legality within the framework of its interpretation by the Constitutional Court of the Russian Federation. The peculiarities and specifics of blanket criminal legal norms and their influence on the occurrence of significant juridical mistake are disclosed. It is concluded that there is no criminal legal mechanism that allows the court to properly investigate the objective possibility of a person understanding the legal rule in a case.

Keywords: juridical mistake, principle of legality, presumption, guilt, legal regulation
For citation: Fedorchukova J.Y. Juridical mistake and the principle of legality = Eurasian advocacy. 2022;1(56):52. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2022_56_1_52

Юридическая ошибка есть несоответствие представлений лица правовой характеристике его действий, данной в уголовном законе. При этом презумпция знания уголовного закона базируется, с одной стороны, на обязательности официального опубликования текста закона, порядке его вступления в силу, отсутствии обратной силы уголовного закона, а с другой – на уголовно-правовом принципе законности. В этой связи принцип законности, состоящий из двух аспектов («преступность деяния и его наказуемость, а также иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления определяются только УК РФ» и «применение уголовного закона по аналогии не допускается»), представляется некой основополагающей, базовой составляющей уголовного вменения вообще. Принцип законности в его первом аспекте предполагает, что в момент

© Федорчукова Ю.Я., 2022

совершения уголовно наказуемого деяния лицо сообразовывает свое поведение именно с официально опубликованным и введенным в действие уголовным законом, устанавливающим преступность и наказуемость данного поведения. Вместе с тем в случае юридической ошибки в уголовно-правовом запрете лицо оказывается неспособным сообразовывать свое поведение с действующим законом. Принцип законности в уголовном праве (ч. 1 ст. 3 УК РФ) предполагает, что не только преступность деяния, его наказуемость, но и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом. Однако Постановления Конституционного Суда РФ могут существенным образом изменить понимание принципа законности в уголовно-правовом смысле.

В этой связи формула построения презумпции знания закона при наличии юридической ошибки не только лишается первой составляющей (объективно не все законодательные акты изучаются гражданами, что в условиях их огромного количества вообще представляется сомнительным), но и может иметь весьма шаткий базис. Акты Конституционного Суда РФ мало кто из граждан связывает с уголовным законодательством, знакомятся с ними, как правило, в связи с профессиональной необходимостью, они, к сожалению, не подлежат широкому освещению даже в государственных СМИ.

Таким образом, презумпция знания закона превращается в фикцию, поскольку является предположением, внешне имеющим структуру презумпции, но не отражающим обоснованную статистическую закономерность [9, с. 31].

Принцип законности включает также требование «формальной определенности, ясности и непротиворечивости уголовно-правового регулирования, взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности» [4]. При этом, как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 декабря 1995 г. № 17-П/1995, «определение степени формализации признаков того или иного преступления как составная часть нормотворческого процесса – исключительная компетенция законодателя» [5].

С учётом фиктивности предположения о знании законов наличие юридической ошибки лишает совершенное деяние умышленной вины, а в определенных случаях – вины как таковой. С учётом наличия таких презумпций, как «презумпция знания закона» и «презумпция невиновности», обусловливающих бремя доказывания, наличие юридической ошибки как обстоятельства, оказывающего влияние на пределы субъективного вменения, подлежит установлению, одновременно опровергая презумпцию знания закона. При этом законодательством должны быть предусмотрены правовые инструменты ее опровержения.

Сама по себе презумпция знания закона, при невозможности ее опровержения, а также при отсутствии правовых оснований такового опровержения, нивелирует объективную существенность юридической ошибки. Презумпция знания закона при существующей правоприменительной практике есть антипод объективной существенности юридической ошибки.

Необходимо отметить, что в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-п обозначен один из аспектов принципа законности, а именно «правовая определенность», заключающийся в требовании «формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу сообразовывать с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия». Указанная позиция Конституционного Суда РФ четко прослеживается, начиная с постановления от 15.07.1999 № 11-П. Раскрывая содержание правовой определенности через конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, Конституционный Суд пояснил, что «запреты и иные установления, закрепляемые в законе, должны быть определенными, ясными, недвусмысленными» [6]. Иными словами, следуя логике Конституционного Суда, сама по себе нечеткость и неопределенность правовых запретов и иных, закрепляемых в законе и, прежде всего, в уголовном законе, установлений, не позволяющих лицу сообразовывать с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия, свидетельствует о неконституционности таких норм, а также об отсутствии оснований привлечения лица к ответственности за их нарушение.

По сути, отсутствие в уголовном законе конкретной нормы, позволяющей суду при рассмотрении дела надлежащим образом исследовать объективную возможность понимания лицом правовой нормы, нарушает конституционные права привлекаемого к уголовной ответственности лица. В данном случае существенность юридической ошибки, и в первую очередь ошибки в уголовно-правовом запрете, не является самостоятельным обстоятельством, подлежащим выяснению, даже в случае установленного наличия юридической ошибки виновного, поскольку сама по

себе юридическая ошибка в рамках устоявшейся судебной практики не имеет значения для дела, а может лишь в числе прочего учитываться при назначении размера наказания.

При этом, как указал Конституционный Суд, принцип правовой определенности «не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов» [7].

Сами по себе бланкетные нормы являются специфическим явлением в праве, представляющим отсылки одного правового акта к другому, при этом образуя связи между правовыми актами. Конструкции бланкетного характера обеспечивают возможность системной реализации отраслевых норм, комплексный характер межотраслевых институтов. Однако бланкетность правовой нормы, несмотря на ее важность как правового инструмента, имеет весьма негативные тенденции развития в современной правовой системе России. В частности, в докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2004 г. «О состоянии законодательства Российской Федерации» среди прочих недостатков принятых в 2004 году законодательных актов было названо «большое количество бланкетных норм в принятых законах, что приводит к появлению множества подзаконных актов, регулирующих правовые отношения вместо закона» [8].

Кроме того, бланкетная структура правовой нормы в соответствии с Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утверждённой Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96, отнесена к коррупциогенным факторам, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил [3].

Учитывая указанные выше факторы, мнение Конституционного Суда РФ о возможности использования бланкетных конструкций в УК РФ может привести к «размытости» понимания сути уголовно-правового запрета. УК РФ содержит целый ряд статей, например ст. 154 и 171 УК РФ, содержание которых раскрывается в иных отраслях права, однако является общеупотребимым. Иным образом можно охарактеризовать ст. 143, 195, 198, 199, 217, 246 УК РФ, где уголовно-правовой запрет отсылает к целому своду правил, установленных, в том числе, подзаконными актами. С учётом проводимой реформы обязательных требований, так называемой «регуляторной гильотины» (см. ст. 15 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [2]), как указал законодатель в п. 7 ст. 3 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», в случае действия «противоречащих друг другу обязательных требований в отношении одного и того же объекта и предмета регулирования, установленных нормативными правовыми актами равной юридической силы, лицо считается добросовестно соблюдающим обязательные требования и не подлежит привлечению к ответственности, если оно обеспечило соблюдение одного из таких обязательных требований». И если для иных видов ответственности данное положение будет применяться, не вызывая вопросов, то в отношении ответственности уголовной при аналогичной ситуации, с учётом причиненного вреда, ее применимость весьма сомнительна.

При этом необходимо понимать, что соблюдение указанных требований, как правило, возлагается законом на специального субъекта, обладающего определенным образованием, опытом работы, и предполагает специальные познания в указанной сфере. Однако сам законодатель допускает возможность добросовестного заблуждения указанного субъекта по причине наличия коллизий принятых нормативных актов.

Говоря о юридической ошибке в уголовно-правовом смысле, в данном случае необходимо раздвигать ее рамки, ограниченные уголовным законом, на весьма широкий спектр правовых актов, включающих в себя не только законы, но и подзаконные акты. В этой связи она приобретает межотраслевой характер, выходя за рамки уголовного законодательства, однако же, на наш взгляд, существенность данной ошибки наиболее полным образом раскрывается именно в уголовно-правовом смысле.

Наличие юридической ошибки в отношении уголовно-правового запрета, сформулированного в УК РФ при помощи бланкетной нормы, более вероятно, нежели в отношении запрета, выраженного в простой форме, однако полностью избежать подобного рода конструкций невозможно.

Таким образом, практика Конституционного Суда РФ говорит об отсутствии уголовно-правового механизма учета существенной юридической ошибки, порожденной, в том числе, обилием нормативных правовых актов, имеющих пробелы и коллизии. Нечеткость и неопределенность правовых запретов и иных, закрепляемых в законе,

прежде всего в уголовном, установлений, не позволяющих лицу сообразовывать с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия, и, как следствие, неконституционность таких норм, ведет к незаконному привлечению лица к ответственности за их нарушение. В этой связи включение в УК РФ понятия существенной юридической ошибки, критериев ее определения, а также механизма ее учета при разрешении уголовных дел является необходимым.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 171 (5 августа).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Российская газета. 2010. 5 марта. № 46.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П/2008 // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 4.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2018 года № 17-П/2018 // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 5.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2003 № 9-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 4.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 22-п // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 6.
8. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 11.03.2005 № 67-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2004 «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Парламентская газета. 2005. 18 марта. № 47.
9. Горячев И.Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2010.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // SZ RF. 1996. 17 iyunya. № 25. St. 2954.
2. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2020 № 247-FZ «Ob obyazatel`ny`x trebovaniyax v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2020. № 171 (5 avgusta).
3. Postanovlenie Pravitel`stva Rossijskoj Federacii ot 26.02.2010 № 96 «Ob antikorrupcionnoj e`kspertize normativny`x pravovy`x aktov i proektov normativny`x pravovy`x aktov» // Rossijskaya gazeta. 2010. 5 marta. № 46.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 maya 2008 goda № 8-P/2008 // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2008. № 4.
5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 aprelya 2018 goda № 17-P/2018 // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2018. № 5.
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.05.2003 № 9-P // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2003. № 4.
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16.07.2015 № 22-p // Vestnik Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2015. № 6.
8. Postanovlenie Soveta Federacii Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 11.03.2005 № 67-SF «O doklade Soveta Federacii Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii 2004 «O sostoyanii zakonodatel`stva v Rossijskoj Federacii» // Parlamentskaya gazeta. 2005. 18 marta. № 47.
9. Goryachev I.N. Prezumpciya znaniya zakona i princip nesushhestvennosti yuridicheskoj oshibki v ugolovnom prave Rossii: dis. … kand. yurid. nauk. Yaroslavl`, 2010.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 15.02.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 15.02.2022.